УДК [illegible]

ТРАНЗИТИВНЫЙ ПЕРИОД В РОССИИ В ДИСКУРСЕ КОНЦЕПЦИИ "ОБЩЕСТВА РИСКА" И ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ

Е.А. Цибулевская

Сургутский филиал МГСУ
E-mail: bogach@ic.tsu.ru

Дается анализ транзитивного периода общественной жизни России в дискурсе концептуальных построений рискогенного общества. Раскрыта специфика практики властных отношений в переходный период.

Характеризуя переходное общество как феномен, следует иметь в виду, что это понятие включает в число параметрических характеристик явления разной направленности. Учитывать это особенно важно в анализе оснований процессов, происходящих в постперестроечной России. В литературе в анализе переходной ситуации ряд авторов используют понятие "общество риска" (О.Н. Яницкий, У. Бек, А. Гидденс). Концепция "общества риска" базируется на представлении о таких полярных типах переходных обществ, как креативный и деструктивный. В обоих случаях здесь идет производство рисков как реальных и потенциальных опасностей для нормального существования природы и человека. Креативные общества, осуществляющие переход к более высокой стадии модернизации, несмотря на риски, в конечном счете увеличивают свой креативный потенциал и жизненный ресурс. Деструктивные же общества характеризуются процессами прогрессирующей демодернизации, они постепенно разрушают свой творческий потенциал, свою способность к позитивным социальным переменам. Их жизненный ресурс сокращается, и подобные общества (как социальные целостности) исчезают, как правило, с глобальной арены.

Положения концепции "общества риска" созданы для условий перехода западного общества к более высокой стадии модернизации, но применимы и к ситуации в современной России: отягощающие ее риски суть, прежде всего, наследие проекта коммунистической модернизации (модернизации частичной, инструментальной, осуществлявшейся лишь "сверху" и любой ценой); в ходе последнего десятилетия позитивная логика накопления общественного богатства все активнее вытесняется негативной логикой производства и распространения рисков, что в конце концов ведет к уничтожению накопленного богатства (очевидный пример – территории,

пораженные чернобыльской катастрофой); хотя поначалу одни социальные группы наживаются на производстве рисков, а другие страдают от них, современные риски носят всепроникающий характер. Нарастающее производство рисков есть фактор изменения социальной структуры общества и политического режима (обычно в сторону его ужесточения). Нормативный идеал "общества риска" – безопасность, а в обществе, подобном нашему, – двойная и тройная безопасность, в итоге система ценностей "неравноправного общества" замещается системой ценностей "небезопасного общества".

Понимание причин ситуации демодернизации в России, отягощенности российского общества деструктивными процессами будет более полным, если рассмотреть социальные риски, – это риски, порождаемые непосредственно процессами жизнедеятельности общества, его структурными или функциональными изменениями, процессами распада его элементов или переходом всей системы в качественно новое состояние. В их числе риски, порожденные господствующей идеологией и созданными на ее основе политическими доктринами, что можно назвать доминирующей социальной парадигмой; риски, имеющие в своей основе мировосприятие человека, его отношение к окружающему миру ("природа – мастерская человека"); риски социальной динамики, порождаемые быстрыми изменениями или распадом социальных систем, территориальных сообществ или иных форм организации социальной жизни; "средовые риски", риски контекста, для них характерно накопление опасностей для жизни человека в среде его непосредственного обитания, ее реструктуризация или деградация в ходе реформ; геополитические риски, порождаемые процессами реструктуризации всего социально-освоенного пространства страны. К примеру, О.Н. Яницкий рассматривает переходное общество как последнюю фазу деградации тоталитарной системы и полагает, что риски переходного общества следует связывать с устройством этой системы: "Тоталитарная система была рискогенной в своем существе, поскольку была сконструирована искусственно, исходя из утопического социального проекта. Она, как показал исторический опыт, отличалась "генетической" агрессивностью и экспансионизмом, оправдываемыми целью создания общества справедливости и бесконечного прогресса. Производство рисков не только всецело легитимизировалось этой целью, но и неоднократно искусственно организовывалось, исходя из "политической целесообразности" [1. С. 41].

Многолетний опыт жизни в условиях этой системы сформировал у советского человека стойкое негативное отношение к любым социальным изменениям, идущим сверху, поскольку они, как правило, сопровождались угрозой стабильности его существованию. Естественно, что подобная ориентация носила в целом антимодернизационный характер. Что касается средовых рисков, то они – всепроникающие, нелокализуемые и практически некалькулируемые – суть наиболее труднопреодолимое наследие тоталитарной системы: "Привыкание к жизни в экстремальных условиях огромных масс населения породило риск "второго порядка" – чрезвычайно высокий уровень социально-приемлемого риска обществом в целом. Мобилизация, внезапные социальные перемены, риск стали нормой жизни советского человека" [2. С. 39].

Что же касается происшедших за годы реформ изменений, они являли собой сложный и противоречивый процесс разрушения советской системы и использование продуктов ее распада для строительства общества кланово-корпоративного типа; российское общество все более впадает в процесс демодернизации, он сопровождается выходом на поверхность социальной жизни структур феодально-бюрократического и криминального характера. "Переход" – это совокупность усилий государства и кланово-корпоративных структур по стабилизации, сдерживанию, торможению процессов распада, выживанием за счет традиционализации, восстановления архаических социальных структур [2. С. 40]. В этих условиях рискогенный характер носят сами усилия по стабилизации: авторы [1–4] называют эту стабилизацию консервирующей, понимая под этим термином политику, имеющую целью сохранение и упрочнение позиций упомянутых структур за счет всего общества путем перевода его на более низкий уровень социальной организации (натуральное хозяйство, бартер, местные деньги); негативная стабилизация есть способ уменьшения риска распада путем демодернизации.

Формой же актуализации социогенных рисков является энергия социального распада – актуализация социогенных рисков как хаотичных неконтролируемых действий атомизируемых социальных акторов, как поток социальных действий, разрушающий социальный порядок, нормативно-ценностные и организационные структуры; это результат повсеместного слома, разрушения и распада ранее существовавших форм социальной организации. В отличие от переходного общества, нормальное общество контролирует и нейтрализует эмиссию энергии социального распада путем создания, в частности, рыночных структур, порождающих новые возможности и новые организационные формы; государство создает системы институтов, локализующих риски распада (в определенных зонах или институциях), поглощающих (системы социальной защиты) и даже их трансформирующих в формы креативного поведения (системы переподготовки, психологической поддержки и т.п.).

В условиях доперестроечного времени в России сформировалась ситуация, явившаяся основанием накопления социальных рисков. Эта ситуация может быть охарактеризована следующим образом: источником накопления социогенных рисков явилась органичность, искусственность советской системы, сломавшей относительное равновесие российской имперской системы и механически скрепившей обручами насилия и административ-

но-командных структур разнородные общества и цивилизации; одномерная система управления советской империей входила в противоречие с разнообразием ее подсистем, необходимостью их самоорганизации и глобализации связей. Дисбаланс интересов системы и входящих в нее отраслевых и территориальных систем становился угрожающим. Нарушался и баланс между ядром и периферией системы – она работала на собственное сохранение и расширенное воспроизводство за счет тоталитарного истощения ресурсов социальной и природной среды: ресурсы мобилизовывались только в интересах ядра системы и им же распределялись. Ядро системы накапливало богатство, периферия – аккумулировала риски [3. С. 53]. И распад системы, по мнению автора, явился следствием и результатом перехода совокупности "порогов" (пороговых значений) ее сохранения: порога баланса интересов между центральным ядром системы и ядрами входивших в нее подсистем (стал выгоднее развал системы, чем ее сохранение). Возник риск утери консенсуса. Был достигнут и порог исполняемости решений (исполнительская дисциплина на местах ухудшалась вплоть до прямого уклонения от следования директивам центра); был накоплен потенциал массовых движений сепаратистского характера, возник риск их трансформации из движений в поддержку перестройки в разрушение системы. Деградирующая элита центра не была более способна управлять столь сложным конгломератом, называвшимся Советским Союзом. Все эти процессы расшатывания системы изнутри означали накопление энергии социального распада, которую до поры до времени центру удавалось сдерживать или компенсировать за счет социальной и природной среды.

Проблема постперестроечного времени российских реформ состояла в том, что правящая элита была ориентирована на механическое заимствование западных моделей, схем и образцов развития; в этих условиях "прошлое проявилось в ином – в крайней дихотомичности мышления ("или-или"), в неумении рассчитывать и делать рациональный выбор, в приверженности к "сценарному", чрезвычайно политизированному мышлению, опирающемуся почти исключительно на данные политических рейтингов и опросов общественного мнения. По сути дела, проблема заключалась в полном невнимании правящей элиты к ценностной, этической стороне проходящего реформирования и трансформации социальных структур; проблема была и в том, что правящая элита не предложила доктрины и стратегии существования России в глобальной системе. Результатом явилась демодернизация. Деструктивные процессы разрушили самые развитые структуры – науку и высокие технологии, далее последовала индустрия, городская и сельская, социальные и социотехнические структуры. Однако при этом расширился слой кланово-корпоративных структур, владеющий или имеющий доступ к источником сырья.

Авторами монографического исследования "Куда идет Россия?" сформулирована интереснейшая гипотеза о том, что производство рисков может быть доходным делом. Дело в том, что перестройка и реформы могут быть квалифицированы как организованный распад системы в интересах нескольких кланово-корпоративных структур, контролирующих сырьевые источники страны, что делается для их неограниченного развития и формирования только их обслуживающей иерархии социальных институтов. Эти структуры быстро восстановились; поскольку распад и хаос охватили именно то, что мешало им открыто и бесконтрольно наращивать свою мощь и одновременно, сохранив свое ядро и "генетический код" (в виде бюрократических связей и ноу-хау), последовательно подавлять своих антагонистов. Одновременно процесс разрушения создал для этих структур социальную среду: массу атомизированных индивидов, отсутствие социального порядка и огромную массу "ничейных" ресурсов (промышленных, городских и иных инфраструктур).

Ситуацию дополнили политические риски (массовые протесты, забастовки, акции гражданского неповиновения); уже существовавшие или инспирированные, они использовались кланово-корпоративными структурами для расширения политических возможностей; выгодной для кланово-корпоративных структур были ситуации "на грани" риска, отвлекавшие ресурсы общества и государства, предназначенные для стабилизации экономической ситуации. Риск становился предметом торга с государством, причем он особенно был выгоден названным структурам, когда они инспирировали весь цикл: "провоцирование риска – его нейтрализация". Социальные и политические риски использовались также кланово-корпоративными структурами для выбивания льгот кредитом.

Таким образом, происходящие реформы и перестройка в целом предстали как образчик борьба кланово-корпоративных структур за предел социально-освоенного пространства, результатом чего явилась глубокая реструктуризация. Она велась методами "дикого Запада" и породила риски реструктуризации. Подобные риски сопровождались, как правило, снижением эффективности производства, расхищением ресурсов и превращением в "отходы" природного, материального и человеческого капитала. Одновременно происходящие процессы регионального сепаратизма и авторитаризма усилили эту тенденцию. Государство и региональные элиты подавили очаги самоорганизации; риски реструктуризации можно именовать геополитическими рисками. Они – результат возникновения новых глобальных центров тяготения и новых сил давления, находящихся за пределами постсоветского пространства.

Статус мощнейшего фактора разрушения обрел распад нормативно-ценностной системы в ходе насильственной перестройки сознания, осуществляемой правящей элитой. Реализация проекта построения капитализма в нашей стране породила нормативный вакуум, апатию и тотальное недоверие к любым властным структурам. Возник слой демодернизационной социальной среды, которая ори-

ентирована на выживание и сопротивление социальным переменам, которая ожидает от социальных перемен еще большей нестабильности, снижения жизненного уровня.

Что же касается моментов прогностического характера, ряд авторов (к примеру, О.Н. Яницкий) считает, что Россия еще длительное время останется страной "точечной" модернизации, где очевидны два слоя: модернизирующееся меньшинство и "архаизирующееся" большинство. Кланово-корпоративные структуры избегают вложений в социальную среду, непосредственно не обслуживающую их интересы; осуществляемая ими частично инструментальная модернизация, ориентированная на вывоз капитала и ресурсов, имеет результатом демодернизацию, так как лишает страну ресурсов, необходимых для развития. "Точечная" модернизация лишь тогда превратится в "островную", избирательную, когда осуществится поворот в государственной идеологии и политике.

Общая картина причин политической кризисности и неустойчивости в транзитивных социальных системах дополняется рядом существующих в литературе концепций: от социологии развития (М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Теннис) до теории катастроф и концепции циклической динамики (О. Тоффлер, И. Пригожин, Р. Хемфри). В теории катастроф причины кризисности и неустойчивости переходных систем видятся в "архетипах" (некритически усваиваемые людьми ценности, отношения к действительности), что вызывает массовые протесты, что создает неравновесность положения политических сил, связывая развитие с поиском "архетипов-антагонистов", стимулирующих обратные по направленности поведенческие реакции населения и власти.

В идеях циклической (социокультурной, цивилизационной) динамики (Р. Хемфри, О. Тоффлер, И. Пригожин) переходные процессы рассмотрены как необходимая часть циклического чередования политических взлетов и паданий, зарождения и упадка глобальных политических (социальных) сдвигов в истории общества. Здесь, однако, иные критерии развитости: различая длинные и короткие волны изменений, временные параметры их продолжения, авторы вырабатывают технологии приспособления к этим промежуточным этапам, "поворотные точки", усиливающие управление событиями, сокращающие время наступления восходящей фазы развития. Ф. Теннис, М. Вебер, Т. Парсонс создали основы так называемой социологии развития, рассматривая модификации политических систем в рамках долговременного перехода от традиционного к современному обществу (от аграрного, основанного на простом воспроизводстве и отличающегося закрытой социальной структурой, низким индивидуальным статусом гражданина, жестким патронажем государственного правления до общества индустриального, постиндустриального, с открытой социальной структурой и рациональной организацией власти). Ф. Теннис, М. Вебер, Т. Парсонс считали, что политическое развитие достигается в той мере, в какой политические структуры, нормы и институты способны к оперативному, гибкому реагированию на новые социальные, экономические и прочие проблемы, восприятию общественного мнения; политическая система, формируя механизмы с устойчивой обратной связью, рациональной организацией звеньев управления, способных к учету мнений населения и реализации решений, превращается в гибкий механизм для адресного регулирования конфликтов и выбора оптимальных вариантов применения власти. Этот процесс и выражает позитивную динамику данной системы власти, означает ее переход на качественно иной уровень ее существования. В таком случае, считают анализирующие проблему политической кризисности и неустойчивости транзитивного социума авторы монографии "Куда идет Россия?", не имеет значения, какую конкретную национально-государственную форму примут политические изменения (унитарную, федеративную или другую), какая партия получит статус правящей, какая идеология станет определять политику в будущем. В этом смысле политическое развитие интерпретируется как нарастание способности политической системы гибко приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям (требованиям групп, новому соотношению сил и ресурсов власти), сохраняя и увеличивая возможности элит и рядовых граждан выполнять свои специфические функции в управлении обществом и государством. Это понимание развития связывается с наличием институциональных возможностей для артикуляции групповых интересов, наличием нормативной (прежде всего законодательной) базы, способной обеспечить равенство политического участия традиционных и новых социальных групп, а также усилить влияние ценностей, предполагающих интеграцию социума и идентификацию граждан. Это обусловливает высокие требования к компетентности политических (и правящих, и оппозиционных) элит, к их способности использовать консенсусные, правовые технологии властвования, исключать насилие и политический радикализм. И чтобы эволюционное политическое развитие было успешным, нужно выделение по преимуществу кратковременных задач в проведении реформ и преобразований, нацеленных на реальное, а не декларативное продвижение общества вперед. В противоположность этому, проекты, сориентированные на длительную историческую перспективу, не могут учесть динамизм текущих изменений и при последовательном их воплощении превращаются в фактор, усиливающий сопротивление реформам и ведет к неконтролируемому развитию событий. В результате государство лишается средств проведения реформ, прекращает существование.

Специфичность переходных процессов современной России во многом связана с проблемами, порожденными глобализацией. Россия вынуждена адаптироваться к этой ситуации, интериоризировать те проблемы, которые вызваны глобализацией. К примеру, сегодня очевиден факт включенности России в "третью волну" процессов 70-х годов

XX века. Начавшись в странах Южной Европы, в Латинской Америке, Африке, Южной и Юго-Восточной Азии, Восточной и Центральной Европе, эти процессы проявляются в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности политических и экономических реформ, одновременного становления демократических политических институтов и либерализации экономики, в переходе к рыночным механизмам как к основному регулятору экономической деятельности. Процессы политической демократизации и экономической либерализации переплетаются с процессами глобализации мировой экономики, диктующими единые экономические правила, общие стандарты потребления, все более близкие культурные нормы, правила социального регулирования и политического поведения стран с самым культурным и цивилизационным наследием, с разными историческими и политическими традициями. Формы глобализации являются предметом ожесточенной политической борьбы во всех странах мира. И если включенность России в современный мир сохранится, если она будет идти в направлении все большей открытости экономики и общества, если не наступит новый период внешнеполитической изоляции и экономической автаркии, то российское общество действительно неизбежно и в растущей мере будет сталкиваться со всеми проблемами, порожденными глобализацией, и будет вынуждено адаптироваться к ним и интериоризировать их.

Переходный период постперестроечного времени сделал очевидной и следующую ситуацию: нарастание разочарования в реальных результатах политических и экономических реформ вызвало пессимизм в отношении перспектив демократии и рынка в России и распространение представления об уникальности переживаемой Россией трансформации. Нарастание авторитарных тенденций интерпретируется сегодня как результат "неготовности" российского общества к демократии, как следствие непригодности западной модели демократии в Росии. Социальные последствия экономической либерализации рассматриваются, главным образом, в катастрофической перспективе, ведущей либо к взрыву, либо к такому уровню социальной деградации и политической дестабилизации, реальным выходом из которой может стать только тот или иной вариант авторитарного режима.

Сегодня в литературе (примечательны в этом плане работы Т.Е. Ворожейкиной, Дж. Линца, Ю.А. Таруты) сформировалась исследовательская позиция, существо которой – в попытке сопоставить ситуацию в рамках Латинской Америки и в сегодняшней России. Авторы полагают, что масштабы необходимой трансформации у нас несопоставимо больше. Несомненна большая сложность экономического и политического переустройства в России, в сравнении с Латинской Америкой, где существовали (в усеченном виде) демократические традиции и рынок. Есть, однако, и иное различие. В России не было даже эпизодического экономического роста, напротив, произошло колоссальное падение производства, которое продолжается и по сей день. По прошествии многих лет реформ в массовом сознании демократия ассоциируется с экономическим спадом и трудностями. Социальные проблемы, порожденные экономической реформой, нарастают, воспринимаются российским обществом острее, чем в Латинской Америке, хотя масштабы и "качество" бедности, безработицы и неравенства в распределении доходов в России пока что гораздо ниже латиноамериканских. Даже снижение инфляции не ставится общественным мнением в заслугу правительству, одновременные и очевидно связанные с этим задержки в выплате зарплат и пенсий позволили беднейшим слоям населения ощутить быстрое и непосредственное облегчение от уменьшения инфляции. Осуществление же экономических и политических реформ в России отстает на фазу; Россия сегодня находится на той стадии, на которой Латинская Америка была в 80-х годах. Есть и различия в политической ситуации. В отличие от Латинской Америки, в России не сложился широкий демократический консенсус, общество расколото не только по поводу политических норм и правил игры, сколько по поводу существующей политической системы как таковой. Его легитимность низка во всех частях политического спектра общества как среди правых, так и среди левых, как среди государственников, так и среди рыночников, все меньшая часть общества считает ее действительно демократической. И хотя в России не существует в настоящее время структурированной внесистемной политической силы (поскольку КПРФ в последнее время практически интегрировалось в систему), общественная потребность во внесистемной оппозиции сохраняется. И не экономика, а политика является наиболее слабым звеном в процессе демократизации России. Это в значительной степени связано с той негативной ролью, которую сыграл здесь режим президентской власти. Он оказался в России менее эффективным и более контрпродуктивным с точки зрения движения к демократии, чем президентские режимы в Латинской Америке. Властные полномочия, сосредоточенные в одном месте и на одном человеке в условиях крайне низкой управляемости всеми общественными процессами, превратили этот пост в фикцию, реальная же власть все больше сосредотачивается во внеконституционном пространстве, для которого суперпрезидентская система в России создает практически идеальные условия.

В стране сложилась система олигархического правления, основанная на единстве власти и собственности, на все более прямом и даже персональном совпадении политически и экономически господствующих групп, на всех уровнях государственного управления, от федерального до регионального и районного. Эта система имеет лишь формальное сходство с демократией, и, по сути дела, становится одним из серьезных препятствий подлинно демократического развития страны. Угроза авторитаризма в России, в гораздо большей мере, чем в Латинской Америке, исходит изнутри сложившейся системы властных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции "общества риска" // Полис. — 1995. — № 6. — С. 21—48.
2. Яницкий О.Н. Альтернативная социология // Социологический журнал. — 1994. — № 1. — С. 41—56.
3. Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. — М.: Наука, 1997. — 361 с.
4. Beck U. Risk Society. Toward and New Modernity. — L., 1992. — 151 p.

УДК 13